

Внезапно сзади раздался шум, и Хэ Пэнчэн обернулся. Его мать, королева дома Цзян Ланьсинь, стояла в дверях. Дверь была открыта, и он не знал, сколько она там стояла.

— Мама.

Следующие слова для Цзян Ланьсинь, королевы дома, было сложно произнести, поэтому она долго колебалась, мысленно готовя речь, а затем выпалила всё разом.

— Я и твой отец... На самом деле это я за ним бегала. Во время похода в университете я подвернула ногу, и он отнёс меня обратно в лагерь, а потом я решила, что этот мужчина должен быть моим. На самом деле, если разобраться, мои чувства к нему тогда тоже не были любовью. Благодарность, признательность... В общем, он проявил ко мне доброту, а я захотела быть ближе к нему. Но это не помешало мне любить его всю жизнь.

— Любовь с первого взгляда — это счастье в жизни, но, к сожалению, не всем это дано. Однако это не означает, что нельзя обрести чувства. Способов любить много, а способов влюбиться — ещё больше.

Хэ Пэнчэн выглядел растерянным, как студент на уроке математики. Казалось, он понял, но вроде бы и нет. На самом деле он не понял.

— Эх! Я слишком мало учила тебя этому, — с сожалением посмотрела на небо Цзян Ланьсинь, чувствуя, что говорит с глухой стеной. — Теперь навёрстывать, похоже, бесполезно.

— В общем, разводиться нельзя, иначе ноги отберу!

У матери, которая то и дело грозитя отобрать ноги, а Хэ Пэнчэн до сих пор цел, он, вероятно, превратился в сороконожку.

Цзян Ланьсинь неловко закрыла дверь, а за дверью стоял Хэ Цзюнь, появившийся неизвестно когда, и улыбался, как дурак.

— Жена, я только что слышал, как ты сказала, что любишь меня, и всю жизнь!

— ... — Цзян Ланьсинь бросила на него взгляд и спросила:

— Ванну приготовил?

— Приготовил, приготовил, — Хэ Цзюнь повёл жену в спальню. — Почему ты сегодня так рано вернулась, даже не дождалась меня.

— Хорошо, что вернулась рано, а то твой глупый сын опять бы натворил дел.

— Это наш сын.

— Хм! У меня такого глупого сына нет, и IQ, и EQ — всё от тебя, просто дубина.

— Хе-хе.

Их голоса постепенно затихли, пока не заглушились звуком закрывающейся двери.

...

Время перескочило на следующий день, около одиннадцати часов.

Цзян Юйян, потирая раскалывающуюся голову, сел на кровати, немного отключился, а затем воспоминания хлынули потоком, и он окаменел на семь-восемь минут.

— Цзян Юйян, как тебе не стыдно! — громкий крик разнёсся по всей комнате. Этот человек, когда злился, ругал даже себя. Но ругань не помогала, а только усиливала головную боль. Цзян Юйян лежал на кровати, не в состоянии прийти в себя, в голове гудело, будто туда залетел рой пчёл.

— Ян-Ян проснулся, — тётя Чан вошла в комнату, держа в руках стакан с медовой водой. Видимо, услышала шум.

Цзян Юйян с трудом сел и улыбнулся ей.

— Тётя Чан.

— Голова болит? Выпей медовой воды, поможет, — тётя Чан протянула ему стакан. — Вчера, когда вы вернулись, я уже спала, жаль, что не приготовила заранее отвар от похмелья.

— Вы знаете, что я пил? — удивился Цзян Юйян.

— Все знают, — тётя Чан вспомнила утреннюю «сцену» и засмеялась. — Пэнчэна ругали полчаса, прежде чем отпустили в офис.

— ...Это не его вина, я сам решил пить, — Цзян Юйян выразил сочувствие, что подвёл его.

— Как не вина, — на этот раз тётя Чан тоже высказалась. — Мест для встреч полно, а они выбрали бар. Что в этом хорошего? Вы, молодёжь, совсем не бережёте здоровье.

— Да, в следующий раз будем внимательнее, — Цзян Юйян быстро признал ошибку.

Когда тётя Чан вышла, Цзян Юйян наконец вспомнил посмотреть на время. 11:17 — ещё нормально, успею. Быстро поднялся, чтобы привести себя в порядок. Глядя на себя в зеркало, он не мог поверить, что выглядит так ужасно: рубашка смята, как бумага, волосы растрёпаны, лицо бледное и измождённое. Цзян Юйян скривился, и в зеркале скривилось отражение.

Ладно, это действительно он.

Цзян Юйян наклонился, чтобы открыть кран и умыться, но взгляд его привлекла уже выдавленная зубная паста. Это его зубная щётка и стакан, а теперь щётка лежит на стакане, полном воды. Он точно знал, что не страдает лунатизмом, так что...

Взяв их, он осмотрел со всех сторон и вдруг засмеялся. Воздух был сладким.

Не услышав «доброго утра», он получил это взамен.

...

Тётя Чан, увидев, что Цзян Юйян спускается с чемоданом, удивилась.

— Куда это?

— Фильм, в котором я снимался, вступил в период промоушена, мне нужно ехать с группой на презентации, — фильм назывался «Загадочный детектив», детективный жанр, съёмки закончились в начале этого года, и Цзян Юйян был главным героем.

Тётя Чан не очень понимала, но знала, что это работа.

— Куда? В другой город?

Цзян Юйян кивнул.

— Повсюду, в Цзянхае уже были.

— Тогда поешь перед дорогой.

— Не нужно, тётя Чан, у меня самолёт в три, боюсь, не успею, — Цзян Юйян посмотрел на стол, заставленный едой, и вдруг добавил:

— Но можно взять с собой ваши бобовые пирожные.

Эти слова словно нажали на кнопку. Яблоки, груши, виноград, даже пачку салфеток тётя Чан хотела ему положить. Цзян Юйян был похож на путешественника, отправляющегося в дальний путь, чья семья не могла поехать с ним и старалась дать ему как можно больше.

— Тётя Чан, тётя Чан, — видя, что чемодан уже полон, Цзян Юйян поспешно остановил её. — Хватит, чемодан уже полон, я столько не съем. Оставьте себе.

Тётя Чан положила ещё три яблока, прежде чем с сожалением остановилась.

Таща чемодан с одеждой и чемодан с едой, Цзян Юйян наконец вышел из виллы, думая: «Лучше бы я поел».

Чжан Бинчэнь, увидев его, поспешил навстречу.

— Этот чемодан тяжёлый, — предупредил Цзян Юйян.

Чжан Бинчэнь не думал, что чемодан с одеждой может быть тяжёлым, но, подняв его, не смог.

— Что тут?

— Тяжёлая любовь, — Цзян Юйян взял другой чемодан и пошёл к багажнику машины. — Тётя Чан дала мне еды.

Чжан Бинчэнь, который возвращался домой раз в год, глубоко понимал это чувство. Каждый раз, уезжая, он мечтал о трёх руках и шести ногах.

— Кумир, ты выглядишь таким уставшим, — Сяо Ю обернулась, чтобы посмотреть на Цзян Юйяна сзади. — Ты плохо себя чувствуешь?

— Нет, — покачал головой Цзян Юйян. — Просто плохо спал, устал.

М?

В голове Сяо Ю сразу же понеслись кони, превратив её в маленькую развратницу.

— Плохо спал? Устал? — С её интонацией «ну конечно же» было невозможно не понять намёк.

Цзян Юйян мгновенно понял и, взглянув на небо, сказал:

— Сяо Ю, девушкам с такими грязными мыслями сложно выйти замуж.

Чжан Бинчэнь полностью согласился. Каково это — когда твоя девушка умеет «водить» лучше тебя, а в реальности стесняется? Это очень сбивает с толку.

— Но я говорю правду! — глаза Сяо Ю загорелись.

— Нет! — Цзян Юйян притворился, что злится, и нахмурился. — Вчера немного выпил, плохо спал.

Слава о крепком алкоголе кумира была известна всем. Сяо Ю не поверила, но, учитывая его репутацию, не стала допытываться, повернулась и украдкой улыбнулась.

Сетевые сплетни наконец сбылись! Президент молодец!

Цзян Юйян:

«...»

Чем больше объясняешь, тем хуже становится.

Вспомнив Хэ Пэнчэна, Цзян Юйян немного заколебался, но всё же достал телефон и отправил ему сообщение:

«Уезжаю на работу в другой город, береги себя. Ешь вовремя, не засиживайся допоздна».

Не ожидая ответа, он вдруг получил звонок.

— Ты не на работе? — удивился Цзян Юйян.

— Время после работы, личное время, — Хэ Пэнчэн положил ручку и подошёл к окну, глядя вдаль и расслабляя уставшие глаза. — Будешь сниматься?

— Нет, промоушен фильма.

— Надолго?

Цзян Юйян прикинул.

— С учётом премьеры, около месяца.

— Так долго, — Хэ Пэнчэн немного грустил. — Целый месяц не увидимся.

Раньше это было не то что месяц, а и год могли не видеться. Цзян Юйян уже привык к этому и спокойно сказал:

— Ну, нормально.

Сказанное без задней мысли задело слушателя.

Лёгкость в словах часто возникает из-за привычки, и сердце Хэ Пэнчэна слегка сжалось.

— Но я буду скучать по тебе. А ты по мне не будешь?